

МЫ – В КОНФЛИКТЕ, И КОНФЛИКТ – В НАС

Джана Джавахишвили

Какое место занимает конфликт в жизни обычных людей, проживающих в находящихся в конфликте обществах – азербайджанском, армянском, карабахском? Помнят ли люди о конфликте с утра, когда просыпаются? Влияет ли он на то, что они делают, о чем и как думают, что чувствуют?.. Является ли конфликт фактором, присутствие которого они постоянно ощущают в своей жизни? Или конфликт незаметен – как радиация? Что значит для людей жить в конфликте? Или конфликт вжился в них, стал частью их идентичности? Какой смысл они вкладывают в него?

Эти вопросы мы постарались прояснить через раунд интервью, которые провели с представителями азербайджанского, армянского и карабахского обществ.

Кто думает о конфликте по утрам?

Когда наша исследовательская команда планировала задать респондентам вопрос о том, как начинается их обычное утро, мы ставили две цели: во-первых, растопить лед – начать непростой разговор о конфликте с чего-то очень простого, во-вторых, узнать, насколько конфликт влияет на обычный день респондентов и их настроение, насколько он ощущается в их жизни. Проведенные интервью показали, что для многих конфликт проходит незаметно. К его присутствию как бы привыкли. Он стал «своим», его присутствие большинство людей уже не ощущает, за исключением тех периодов, когда происходит эскалация.

Но среди респондентов на каждой из трех опрошенных сторон было малое число таких, которые думают о конфликте буквально каждый день, с самого утра. Это те, у которых члены семьи на войне, респонденты, служебные обязанности которых прямым или косвенным образом связаны с войной (например, военный врач, бывший военный, те, кто работает с беженцами и сопереживает им), или которые живут в приграничной зоне. Эта привычка быть начеку, настороже, с утра поинтересоваться, нет ли риска эскалации, может настолько укорениться в жизни человека, что дает о себе знать и после того, как человек сменил место жительства: *«Я родом из приграничной зоны, и это уже многолетняя привычка интересоваться, как там на границе».*

Мирное утро – это когда не падают бомбы?

Люди ко всему привыкают, и среди прочих вещей – к конфликту. Многие респонденты считают утро мирным, если не стреляют, если не разрываются бомбы. А тем временем изучающая конфликты наука отделяет позитивный мир от негативного. Негативный мир подразумевает отсутствие войны, тогда как позитивный мир предполагает развитие общества, которое возможно лишь в случае, если энергия общества не тратится на совладание с деструктивным влиянием конфликта на все без исключения сферы жизни.

Согласно чилийскому ученому Манфреду Макс-Нифу, базовые потребности человечества никогда не менялись, они одни и те же, начиная с пещерного человека и кончая современным. Это девять основных потребностей: выживания, безопасности, информированности, участия в принятии решений, взаимосвязанности с другими людьми, быть самим собой (потребность в идентичности), отдыхать, быть креативным, быть свободным. Эти потребности универсальны и неизменны, но с течением истории и сменой эпох меняются удовлетворители данных потребностей. Если в старые времена потребность в информированности удовлетворялась посредством пещерных рисунков, в последующую эпоху – текстами на папирусе, а дальше – книгами, то сегодня это интернет, гаджеты и т.д. Макс-Ниф различает истинные удовлетворители и лжеудовлетворители. Истинный удовлетворитель удовлетворяет ту или иную базовую потребность, не подрывая возможность удовлетворения других базовых потребностей. Лжеудовлетворитель старается удовлетворить одну потребность, подрывая при этом возможность удовлетворения другой потребности. Человек часто заблуждается и принимает войну как удовлетворитель потребности в безопасности, но на самом деле война является особенно деструктивным лжеудовлетворителем, так как уменьшает возможность удовлетворения всех девяти базовых человеческих потребностей.

Мы планируем или мы надеемся?

Респонденты отличались друг от друга привычкой планировать свое будущее. Изредка попадались такие, которые говорили, что строят планы на всю оставшуюся жизнь, но были и такие, которые говорили о планах лишь на следующие несколько дней.

В большинстве высказываний респонденты утверждали, что конфликт совершенно не мешает им планировать жизнь. В качестве препятствующих планированию факторов назывались коррупция, закостенелость государственного аппарата, нарушения прав человека, а также личные субъективные или объективные факторы, такие, как, например, низкая зарплата, состояние здоровья, сложности с концентрацией, проблемы, связанные с беженством, и т.д. Хотя были и исключения – несколько респондентов подчеркнули, что живут одним днем, так как *«война у нас все же не закончилась»*.

Исследование выявило респондентов (чаще беженцев), которые из-за ощущения потери контроля над жизненными событиями намеренно не планируют свою жизнь. Одну из таких групп составляют те, для кого противоположный полюс планирования – это надежда. Иными словами, они говорили не о планировании жизни, а о надежде на лучшее будущее: *«Прогнозировать что-либо не могу, но есть такое понятие, как надежда, живем с надеждой, что у нас обязательно все будет хорошо»*.

Были и такие респонденты, которые говорили о безнадежности: *«Я представляю себе свое будущее очень туманно. В реальности нашей социальной сферы нет ничего, что можно себе представить. Есть только повседневная жизнь. И никакого будущего я здесь не вижу. Мне дает силу понимание моего долга перед обществом и перед правительством»*.

Подобную безысходность респонденты связывают не столько с конфликтом, сколько с коррупцией, инфляцией и неправильным управлением (*mismanagement*). Они не видят связи этих явлений с конфликтом, что можно принять за признак недооценки влияния конфликта.

Влияние конфликта: он и мешает, и не мешает

В этом вопросе респонденты со всех трех сторон показали неоднозначное (амбивалентное) отношение: конфликт в принципе не мешает, но все же мешает, однако только в том случае, если возобновятся военные действия. Это последнее опасение чаще звучало в высказываниях респондентов, имеющих детей призывного возраста или близкого к призывному.

В противоречивых высказываниях некоторых респондентов четко проглядывает амбивалентное отношение к конфликту, например, в высказывании отца призывника: *«Планы есть у каждого человека относительно себя, семьи, быта, отдыха. Но форс-мажоры могут быть всегда. В нашей ситуации — а если завтра война? Такое тоже может быть. Вот как было в апреле. Я по работе оставался в Барде, в 20 километрах от нас все громыхало. [...] Опасение и тревогу вызывает возраст сына. Ему 18 лет, и он в зоне призыва. Пока он студент первого курса, у нас впереди еще три года вуза и два — магистратуры, итого пять лет. А потом уже надо тревожиться всерьез. И страх будет нарастать. Конфликт, разумеется, вызывает тревогу, потому что это тлеющий конфликт».*

Этот же самый респондент позже в интервью заявил, что конфликт ему совершенно не мешает: *«По большому счету, конфликт никак не влияет на мою жизнь. Мы далеки от этого, живем будто на другой планете, хотя и находимся в одном информационном поле, постоянно передачи, лозунги. Но время все-таки идет, прошло двадцать пять лет, сменилось целое поколение людей, которые могут назвать эту землю своей. Второе поколение, которое не видело землю своих предков».*

Респонденты часто отмечали, что непосредственно конфликт на них не влияет, но тормозит развитие общества: *«Он [конфликт] сильно не влияет на меня или на мою семью [...] Если бы не война, думаю, наше развитие, развитие нашей страны было бы лучше — мы бы открыли границы. Развивалась бы экономика, торговля, сельское хозяйство...»*

Кто ощущает влияние конфликта как однозначно плохое?

По масштабу влияния конфликта респонденты выделяли разные группы субъектов. К наиболее пострадавшей группе они относили тех, у которых погибли члены семьи, тех, кто живет в зоне конфликта, безработных (крайне бедных людей), беженцев и призывников.

На безработных (крайне бедных) влияние конфликта намного сильнее (*«Это отражается на моей шкуре, на шкуре моих детей, на образовании, питании»*), чем на материально обеспеченных семей.

Респонденты-беженцы делились тревогой и болью из-за своего уязвимого маргинального состояния, которое создает проблемы на различных уровнях: негативное отношение социальной среды (стигма беженца), экономические проблемы, безработица, лимитированные возможности для образования и развития и т.д. *«Представь, что ты — мужчина, уважаемый в своем селе, с домом, работой, и ты вынужден все это оставить, взять семью и переехать в район, куда ты, возможно, приезжал на отдых, и начинать*

все с нуля. Ты уже не тот уважаемый мужчина, и твоя жена – больше не уважаемая женщина, вы – приезжие. [...] Детям труднее. Мой брат поменял девять школ и в итоге остался без образования. Мне повезло, что я была маленькая, мать стояла надо мной и заставляла учиться. Брат же, когда мы как-то устоялись, был уже подростком. Он приобретал и терял друзей, до сих пор он, отец двоих детей, говорит, что не нашел себя в жизни».

Смысл, который стороны вкладывают в конфликт

Все три стороны вкладывают в существующий конфликт различный смысл. Азербайджанские респонденты определяют его как унижение и попрание достоинства из-за потерянных земель, армянские – как средство самосохранения, а карабахские – как право выбора и ощущение своей идентичности.

Азербайджанскими респондентами подчеркивалось, что травма, разделенная всем населением (коллективная травма) – это «потеря территории» и исходящие из этой потери проблемы на уровне идентичности («комплекс неполноценности»): *«Конечно, конфликт влияет. В основном это психологическая травма от потери земли. Это вызывает комплекс неполноценности. На деревенское население, которое живет в зоне конфликта, влияет больше».*

Восприятие смысла создавшейся ситуации как унижения увеличивает вероятность конфликта. Здесь вновь проявляется амбивалентность. Хотя азербайджанские респонденты считают войну самым худшим вариантом, многие из них говорят, что она неизбежна: *«Я не кровожадный, но эта война – болезнь, которую нужно искоренить, это необратимый процесс вроде ампутации ноги. Это необходимо, хотя и больно».*

Возврат земли рассматривается вопросом достоинства даже теми азербайджанцами, кто считает конфликт ошибкой.

В ответах армянских респондентов всплывают нарративы, которые также показывают, что карабахский конфликт затрагивает уровень их идентичности: *«Карабах – не основной вопрос в нашем конфликте. Конфликт начался как борьба за права человека (право быть собой). Можно провести аналогию с Нахичеванем: нахичеванских армян стерли с нахичеванской территории, так как Армения не вмешалась, а в Карабахе армяне отстаивали свои права, и они не исчезли».*

Люди живут в конфликте или конфликт вжился в людей?

Среди респондентов выявилась еще одна интересная тенденция – конфликт стал привычным модусом их существования, жизнь в конфликте или с конфликтом. Это инкорпорировалось в их идентичность, поэтому они не могут представить себя вне и без конфликта. Исходя из этого, отсутствие или устранение конфликта вызовет у них кризис идентичности, и, возможно, те люди, в идентичность которых конфликт встроен, будут противиться его разрешению.

«Я родилась во время войны, отношусь к поколению независимости и уже не представляю себе жизнь без конфликта. Мой отец во время войны был военным, и я с

детства ощущала на себе влияние войны», – говорит одна из респондентов. Тут можно наблюдать очередной парадокс: эта же самая респондентка продолжает: «Наверное, это и стало причиной того, что я выбрала именно мою профессию. Я политолог. И думаю, что своей деятельностью смогу хоть как-то содействовать миру». Сначала она говорит, что не может представить себя без конфликта, а затем – о своей доброй воле содействовать миру. Какая же фраза правдива? Думаю, обе. Это индикатор амбивалентности респондентки по отношению оценки создавшейся ситуации. Так как паттерн амбивалентности у респондентов повторяется, можно предположить, что это защитный механизм, возникший в ответ на двузначное состояние «ни войны, ни мира», в котором живут респонденты.

Конфликт как барьер для ощущения национальной идентичности

В противоположность тем респондентам, которым, по их словам, конфликт помог обрести и сохранить идентичность, в исследовании выявились и такие респонденты, которые говорили о потере своей идентичности из-за конфликта: *«Если бы не было карабахского конфликта, история моего народа сложилась бы иначе и я, возможно, не был бы мутантом без национального самоощущения. [...] Эта война и то, как ее поддерживают Баку и Ереван, это бесчеловечно. Гражданам Азербайджана и Армении не оставили выбора. Либо ты, азербайджанец или армянин, – националист и зверь, либо ты отказываешься от национальности».*

Кто больше всего страдает от конфликта?

Данный вопрос как бы примирил респондентов. Большинство говорили о том, что наиболее пострадавшими в результате конфликта являются обычные граждане: *«Прежде всего страдает обычный гражданин – и армянин, и азербайджанец».*

Часть респондентов считает, что конфликт влияет на людей по-разному, в зависимости от географии жизни (*«Кто в пограничных районах, на тех влияет больше»*), от возраста (*«Дети страдают в первую очередь»*), от состояния здоровья (*«Здоровые переносят лучше»*), от уровня благополучия (*«В первую очередь простой народ»*), от поколения (*«В первую очередь страдаем мы – поколение независимости, то есть поколение, которое родилось во время войны»*). *«(Конфликт влияет) не одинаково на всех. У кого есть родня в других странах, наверное, на них влияет меньше, они чувствуют подстраховку. А люди, которые живут здесь и не имеют широких связей и возможностей, имеют детей призывного возраста или живут на приграничных территориях, на них, конечно, влияет больше».*

Респонденты коснулись и социального неравенства/несправедливости в контексте военного конфликта: *«Богатые вряд ли будут участвовать в этих конфликтах, а бедных кто спросит? Никто. В первую очередь [страдающие] – это население Нагорного Карабаха, они находятся на линии огня постоянно, я не имею в виду вооруженные силы, я имею в виду население деревень, то есть людей, у которых нет особой возможности для самозащиты. Они там, они живут, и я даже не представляю, как это засыпать каждую ночь, зная, что ты можешь не проснуться».*

Часть респондентов говорит о негативном влиянии конфликта на общество в целом, хотя и по-разному на разные слои, и особо подчеркивает торможение развития государства: *«Естественно, конфликт отражается на всем обществе, в зависимости от специфики пола и личности. Мужчины, и в особенности молодое поколение, больше всего страдают от вооруженного конфликта, так как они на передовой и несут основную нагрузку по обеспечению безопасности. Война уничтожает лучший генофонд. Однако и женщины вместе с детьми не меньше страдают в психологическом плане. А общество в целом, разумеется, не может полноценно развиваться в условиях продолжающегося конфликта».*